

Птаха

*И одуревший от весны в дальние страны
Я полечу сквозь небосвод ночной.
И, заглядевшись на меня, дворник Степанов
Спрячет метлу и полетит за мной.*

Алексей Иващенко

— Шешнацать рублей, — слегка извиняющимся тоном сказал продавец.

Алферов протянул две мятые десятки, взял с импровизированной стойки пластиковый, охлаждающий руку стакан с квасом и покорно подождал, пока смуглый киргиз не отыщет в кармане синего фартука несколько мокрых монеток. Ах ты, чурка ты нерусская, миролюбиво, даже ласково подумал Алферов, глядя на пять замызганных кругляшков в своей руке — три по рублю и два по пятьдесят копеек. А потом быстро, в четыре могучих глотка прикончил прохладный, пенистый напиток, аккуратно положил стакан в переполненную урну и взлетел.

В воздухе было холодно и людно, хотя час пик закончился уже давно, и основная толкучка рассосалась. Алферов быстро сориентировался по еле выглядывающему из-за низких, осенних облаков солнцу и взял курс на северо-запад. Летел он небыстро, вальяжно раскинув руки в стороны, уворачиваясь от вечно куда-то спешащей молодежи и похожих на гигантских бесформенных воробьев банкиров.

Сбоку синей птицей промелькнул милиционер.

Алферов же никуда не торопился. Мягкий, чуть хмельной квас приятно тяжелил сытый желудок, Алферов быстро сомлел и парил, почти лежа на упругом воздушном потоке, благостно обозревая окрестности. Он спокойно пересек Москва-реку, с интересом наблюдая, как на ее водной глади играет бликами застекленный теплоходик, и направился вдоль Садового кольца в сторону Арбата. Кольцо было запружено. Сотни, а то и тысячи игрушечных машинок, напоминавших разноцветные спичечные коробки, стояли и презрительно гудели. Вместе со смрадными выхлопами в лицо Алферову ударила сильная волна злобы и раздражения. Глаза у него моментально заслезились, и пришлось свернуть чуть в сторону, принять вертикальное положение и, порывшись в объемном портфеле, достать прописанные строгой врачихой капли. Неловко зажав пухлый портфель подмышкой, Алферов старательно выдавил в и без того влажные глаза

по бисеринке пахучей, вязкой жидкости. В глазах сразу защипало, и они заслезились еще больше.

Пролетая прямо над монструозным, но все же притягательным своей могучей красотой зданием МИДа, Алферов аккуратно обогнул высоченный шпиль и уже было вылетел на веселый и широкий Арбат, как с ним произошли сразу три несчастья.

Во-первых, в его левый бок сильно и больно врезался какой-то подросток, из диких, с глуповатым лицом и вытаращенными глазами, отчего Алферов моментально потерял как физическое, так и духовное равновесие. Юный нахал, не проронив ни слова, поспешно скрылся с места преступления, а несчастный Алферов, влекомый неумолимыми законами физики, нелепо завертелся в воздухе и копчиком приложился прямо о шпиль здания МИДа. Шпиль оказался очень твердым и холодным.

Во-вторых, поскольку алферовский копчик уже был травмирован в одной пикантной, но нисколько не постыдной для ее героев истории, боль от рокового удара о шпиль не осталась на поверхности, а пошла куда-то вглубь Алферова и пробрала его до самого нутра, отчего тот схватился обеими руками за больное место и рассерженно охнул.

И, наконец, в-третьих, что было самым ужасным в этом инциденте, драгоценный портфель из кожи матерого североамериканского буйвола вырвался из рук ошеломленного Алферова и, издевательски поблескивая пряжкой, полетел вертикально вниз. Ударившись пару раз об острый и колючий каркас здания, портфель окончательно разорвался, и из него на небольшую площадь пролились обильным дождем внутренности. Алферов с высоты шпиля с ужасом взирал, как купленные у знакомой бабульки пирожки, целый пакет антоновки, подаренный женой шарф, три больших, удобных блокнота, сегодняшняя газета, вчерашняя газета, набор разноцветных шариковых ручек, глазные капли, стельки, отличный японский калькулятор, умеющий даже строить графики, футляр с очками для чтения, зонтик, а самое главное, Документ Особой Важности неумолимо становятся достоянием общественности.

К разбросанным по всей площади внутренностям сбежали маленькие черные точки, словно колония муравьев наткнулась на рассыпанный сахар. Алферов вышел из ступора и на всех парах спикировал вниз лишь затем, чтобы убедиться, что безнадежно опоздал. Посередине небольшого открытого пространства между зданием МИДа и Садовым кольцом лежал труп японского калькулятора, некогда умевшего даже строить графики. Бездомная собака с добрыми, умными глазами поджирала останки пирожков, и по всей площади валялись раскучеренные, расквашенные и раненые, будто бы пережившие артобстрел, яблоки. Белым лебедем парила где-то на уровне проводов сегодняшняя газета. Вчерашняя, будучи сложенной вчетверо, упала гораздо быстрее и уже встретила свой конец под колесами автомобилей, высвободившихся из цепких рук пробки. Таким же образом погибли и стельки. Все остальное растащили муравьи. Документа не было.

Убив на поиски двадцать минут, показавшиеся ему часом, Алферов сдался. Бесцельно пройдя по площади еще минут пятнадцать, он сдался повторно, а еще через полчаса

блужданий обессилено сел на бордюрный камень. Документа не было, и факт этот был неоспорим.

Алферова вырвало на пыльную мостовую.

Затем его наконец-то охватила легкая паника.

Большое Начальство было вне себя.

— Как вы могли, Алферов, — громовым голосом вопрошало оно съезжившегося Алферова, — потерять Документ, настолько же ценный, насколько ваша жизнь ничтожна и глупа?

— Как вы посмели потерять его, — рокотало оно, — и как вы посмели даже подумать о том, чтобы потерять его, и как слово "потеря" вообще пришло в вашу никчемную, набитую стекловатой голову?

— Каким бесхребетным и пресмыкающимся идиотом нужно быть, — ярилось оно, — чтобы, потеряв такой Документ, самому иметь наглость прийти сюда и заявить об этом возмутительнейшем факте вот так вот, с бухты-барахты?

— Но, — попытался размочить счет Алферов.

— Молчать, — взревело Большое Начальство. — Молчать и отвечать! Как вы вообще смеете жить после того, что сделали, Алферов?

— Ну, — гнул свою линию тот.

— Молчать! — шумело Начальство, утирая с начальственного лба обильно выпавший пот.
— Молчать! Ша! Вы... Вы — клуша, Алферов! Клуша!

Столь убойный аргумент крыть Алферову было нечем. Он был клушей. Спор был проигран.

— Вот что, Алферов, — сказала Начальство, переведя дух и сделав титанический глоток из дымящейся кружки. — Я вас накажу.

Зарплату урежут, грустно, но с облегчением подумал Алферов, который еще в прошлом месяце хотел купить жене шубу.

— Я вас страшно накажу, — пообещало Начальство, — и наказание мое будет страшно.

А то и в должности понизят, поразмышляв, пришел к выводу Алферов. Все-таки, Документ был Особой Важности.

— Раз вы такая клуша, — заявило Начальство уже почти спокойным, начальственным тоном, — я лишу вас прописки. Походите ножками.

По широкой алферовской спине промаршировала дивизия крупных мурашек с холодными, босыми лапами.

— Но это невозможно, — пробормотал он неуверенно.

— Невозможное возможно, — мстительно подмигнуло Начальство. — Новая административная мера наказания. Вы — наш первый подопытный. На вас мы будем пробовать оборудование.

При слове "оборудование" Алферову стало совсем плохо. Будут вырезать, решил он, а ножей и всяческих скальпелей Алферов боялся с детства.

— Не надо, — слабым голосом попросил он.

— Надо, Алферов, надо, — почти сочувственно ответило Начальство, и Алферов понял: действительно надо. Ничего не попишешь.

В кабинет вкатили кресло, похожее на стоматологическое, только наоборот — пациент ложился на живот и изгибался так, что под свет сильной, многомегаваттной лампы попадала его спина. Затем вошла секретарша, держа в руках папку Алферова; вошла, с опаской косясь на кресло. Это оно и есть, думал Алферов, то самое оборудование. Сейчас ножки принесут. Почему-то Алферов боялся не последствий лишения прописки, а именно процесса, как ему казалось, крайне болезненного и неприятного.

— Ложитесь, Алферов, — сказала Начальство. Оно сидело за большим дубовым столом и листало принесенную папку. Там, в этой папке, была вся алферовская жизнь во всем ее бесконечном однообразии — ясли, детский сад, школа, институт, свадьба, работа, рождение ребенка, работа, работа, работа, повышение, работа, отпуск, работа. Утеря Документа. Сейчас, лежа в страшном кресле и вглядываясь в унылый узор на унылом ковре, Алферов думал, что жил, в общем-то, бессмысленно.

И тут в абсолютной тишине одним длинным, протяжным вздохом раздался характерный скрип перьевой ручки по плохой бумаге — Большое Начальство что-то зачеркнуло в папке Алферова, и у того появилось странное жжение прямо между лопаток. Как будто огненный червяк ввинчивался Алферову в спину, но как-то не больно, а, скорее, грустно. Странно, подумал Алферов, прописки меня лишают, а червяк вгрызается внутрь. Непорядок.

Жжение закончилось так же неожиданно, как и началось, а Начальство резко захлопнуло папку. Звук был такой, словно прибили комара на толстых обоях.

— Идите, Алферов, — сказала Начальство.

И Алферов встал и пошел.

Дел в этот день было еще много, таких, необременительных, но долгих дел, поэтому закончил Алферов поздно, в десятом часу. Никаких последствий лишения его прописки он не ощущал, разве что секретарша, когда он неуверенно и робко выходил из начальственного кабинета, упорно избегала его взгляда, а через некоторое время и другие сотрудники последовали ее примеру. Растрепала, беззлобно подумал Алферов, по-бабьи растрепала всему отделу. Ничего, привыкнут.

Из Канцелярии он ушел одним из последних, дружественно попрощавшись с растерянно прячущим глаза вахтером. Прошелся по мостовой, размял затекшие за неудобным письменным столом ноги и замер. Взлететь не получалось. Он даже забыл, как это делается. Нечто, ранее существовавшее в нем на уровне рефлекса, куда-то запропастилось. Он попробовал еще раз. Ничего. Ноги не отрывались от земли. Легкости в теле не было. Была только мутная, тянущая вниз усталость, а вместе с ней и тоска. Вот оно, понял Алферов. Я теперь один из этих. Наверное, надо будет купить машину.

И от мысли о приобретении этого металлического, грязного и дымящего чудовища Алферов чуть не расплакался. Но сдержался.

Ночь стояла безоблачная, и круглая белая глупая луна еле-еле освещала путь Алферова, пока он непривычно, иногда спотыкаясь, шел по заросшей, чуть видимой тропинке из парка, в середине которого находилась Канцелярия. В парке было непривычно тихо и темно, фонари стояли чересчур высоко, и желтый свет их не пробивал густые кроны старых деревьев. Луна же находилась надо всем этим, разбрасывая во все стороны тонкие, бледные лучи, и тропинка то и дело озарялась их отблеском. Алферов шел и чувствовал себя глупо. Во-первых, непонятно, как ему добираться домой. Во-вторых, непонятно, что он скажет жене, и как отреагируют соседи. Будут ли над ним смеяться? Начнутся ли зловещие шепотки, каждый раз, как он будет выходить на лестничную клетку выкинуть мусор? Станут ли дразнить дочку в школе? Нет, дразнить, наверное, не станут, ведь ходят же в школу и без прописки, и живут без нее как-то, и много народу живет — чуть ли не половина.

Алферов споткнулся о торчащую из земли корягу и потерял нить рассуждений.

Надо теперь будет на работу раньше выходить, решил он, сильно раньше, часа на два. Еще машина, это, конечно, необходимость. Хотя не хочется. Пробки, бензин, гарь, другие машины — все это не придает энтузиазма. Интересно, у жены-то прописка осталась? Она сможет, если что, подлететь в магазин там, или в ЖЭК? Сможет, наверное.

Алферов вышел на широкую дорогу со старым, износившимся покрытием и засомневался. Куда он отсюда летел? На юг, потом на юго-восток, так кажется. Дорога вела куда-то не туда, но другой не было. Алферов вздохнул и пошел по асфальту. Обувь, наверное, придется совсем другую покупать, продолжил размышлять он.

Мимо, яростно сигналив, пронеслась машина, обдав Алферова едким дымом из выхлопной трубы. Мелькнула фарами встречная. Потом еще одна. Алферов сошел на обочину и поднял руку с оттопыренным пальцем, как однажды видел в кино. Следующий автомобиль затормозил, и Алферов открыл дверцу.

— До Октябрьской площади, — полувопросительно сказал он.

— Не, браток, мне не туда, — ответил водитель. Водитель был толст и весел.

— Ну хоть до Садового, — взмолился Алферов.

— Можно, — кивнул водитель. — Довезу до Смоленской, дальше сам дойдешь. Там и идти-то минут двадцать от силы. За двести.

Алферов прикинул. Двести у него было. Но цен он не знал, поэтому стоило поторговаться.

— Сто пятьдесят, — твердо сказал он.

Водитель кивнул, и Алферов с трудом забрался в узкую квадратную кабину. Внутри было накурено и отчего-то холодно, ощутимо холоднее, чем на улице. Алферов закрыл дверь и, когда машина тронулась, начал исподтишка разглядывать ее хозяина. Тому на вид было лет сорок, лицо открытое, чуть обветренное, красное от водки. Толстые мозолистые пальцы крепко держали баранку. Алферов знал, что руль называется баранкой еще с молодости, из какой-то книжки. Какой — не помнил. Водитель закурил, вопросительно взглянув на пассажира. Алферов пожал плечами.

Доехали быстро, и хотя Алферов поначалу недоумевал, как это у водителя получается на такой приличной скорости не врезать этот доисторический драндулет в точно такой же драндулет, едущий рядом, потом быстро привык и даже перестал бояться встречных. Наверное, водить научиться нетрудно, подумал он, глядя, как спокоен водитель, как он держит руль одной рукой, как он щелчком пухлого пальца стряхивает пепел вниз, на проносящуюся за окном мостовую.

— Сто пятьдесят, — сказал водитель, и Алферов полез в карман брюк за кошельком.

Рассчитавшись, он вылез из машины, и ему сразушибанул в нос изумительный аромат сочного, сочащегося топленым жиром на раскаленные угли, нежного шашлыка с лучком и, может быть, даже с помидором. В желудке призывно заурчало, и Алферов вспомнил, что из-за этого дурацкого происшествия он так ничем и не подкрепился. Конечно, дома ждала жена с ужином, да и идти тут было всего минут двадцать, как сказал водитель, но шашлык пах сильнее всех разумных доводов. Алферов пошел на запах и выбрался к Арбату.

Шашлык жарили прямо на улице, а еще там играли скрипка и гитара, уютно горели газовые фонари и, залиvisto хохоча, плясали какие-то люди в ярких, цветастых одеждах. Низкие, древние дома, казалось, накрывали Арбат цветастым махровым полотенцем, превращая его в бесконечный коридор, заполненный музыкой, смехом и светом.

Алферов, ранее бывавший здесь только днем, был очарован и моментально забыл о том, что собирался домой. И что вообще куда-то собирался. Помнил он лишь, что хотел купить шашлыка у веселого усача в замызганном фартуке, а затем пройтись по древним, пропитанным жизнью мостовым, увековеченным в песне, а то и не в одной.

Шашлык был на редкость дорогой, жилистый, непрожаренный и невкусный, и Алферов был счастлив.

Слегка шатаясь, он шел по улице, машинально вытирая грязные, жирные пальцы о новые брюки, подпевая непонятно откуда льющейся мелодии и вдыхая уникальный, наполняющий душу огнем воздух вечернего Арбата. Один раз его подхватили какие-то люди и закружили в своем бешеном хороводе, потом медведь разодрал ему штанину под настойчивые крики и хохот хозяев, а пока Алферов восхищенно думал, откуда тут мог взяться медведь, его снова закружили в танце, на этот раз кто-то еще, а потом его повели за собой, и он уже не мог сдержаться от смеха, а затем ему налили кваса, а потом еще чего-то, что обожгло ему гортань и ухнуло прямо в желудок, и пока он кашлял и вытирал выступившие слезы, кто-то, хохоча, молотил его по спине, а затем он побежал за кем-то и, споткнувшись, набил здоровенную шишку прямо на макушке, хотя и непонятно, как ему это удалось, а потом к шишке прикладывали что-то холодное, и сам он пил что-то холодное и смеялся, а потом он обнимал кого-то, а потом он обнимал медведя, и тот снова порвал ему штанину, неловко зацепившись за нее длинным черным когтем, а потом, наконец, он, пьяный, и распаренный, и выдохшийся, и захлебывающийся в музыке, в изнеможении опустился на мостовую, и кто-то сел рядом с ним. У кого-то была копна черных, словно вымазанных углем, волос, цветастый платок и звонкий, залиvistый смех, и этого Алферову было абсолютно достаточно, чтобы влюбиться в сидящую рядом с ним девушку окончательно и бесповоротно.

Когда туман, клубившийся перед алферовскими глазами, рассеялся, и тот повнимательнее пригляделся к соседке, он заметил, что выглядит она старше его, хотя лет ей наверняка меньше, и что во рту у нее, когда она смеется, сверкает золоченый зуб, а смеется она постоянно, и что девушкой ее можно назвать только в самом широком смысле этого слова. Но это ничего не меняло.

Соседка посмотрела на Алферова черным, вороньим глазом и хищно поцеловала в губы, просунув язык глубоко ему в рот, и Алферов почувствовал вкус алкоголя, меда и почему-то соли. Губы у нее были мягкие и сильные, а грудь молодая, а пальцы холодные и очень ловкие. Дыхание Алферова участилось, и он моментально покраснел, когда она, никого не стесняясь и не боясь, расстегнула его ремень и засунула руку в трусы. Цыганка, наверное, отчего-то решил Алферов, а соседка еще раз его поцеловала и что-то шепнула на ухо. Только через несколько секунд Алферов понял, что это была сумма.

Ладони у Алферова были мокрые, а пальцы гнулись с большим трудом, когда он судорожно искал в кармане кошелек и доставал оттуда деньги. Купюры в протянутой руке чуть-чуть подрагивали, но цыганка этого не заметила, выхватив их и спрятав где-то в юбках. Затем она рывком подняла Алферова с пола и потащила за собой. Посмотрев

вперед, Алферов с ужасом заметил непроглядную темень арочного свода. На миг представив себе, как эта пасть захлопывается за ним, он зажмурился и испуганно открыл глаза, только когда цыганка опять поцеловала его, страстно и крепко. Они стояли в подворотне под аркой, надежно скрытые от шумной улицы облаком всепоглощающей тьмы, и Алферов мог разглядеть лишь цыганкин силуэт, который вдруг стал уменьшаться, словно та приседала. Она действительно приседала, и вскоре взвизгнула молния на ширинке, а через секунду Алферов вжался в стенку и накрепко напряг все мускулы своего тела, чтобы не закричать, поэтому издал лишь тихий, протяжный стон. Сглотнув и чуть не разорвав себе пересохшее горло, он протянул обе руки вперед и, найдя цыганку, зарылся пальцами в ее волосы. Задыхаясь, он задрал голову вверх и уставился на размалеванный потолок, а когда он, уже привыкнув к темноте, сощурился и по буквам прочитал крупную, размашистую надпись "ЗАЧЕМ", тело его охватил желанный спазм, и цыганка с хохотом откинулась назад.

Распаленный, Алферов повалил ее на пол, и сам лег туда же, путаясь в цветастых платьях, которые в темноте казались серыми, словно ночные кошки. Лицом он уткнулся в мягкую грудь и осторожно покусывал ее сквозь тонкую, горьковатую ткань блузки, а руки Алферова тем временем блуждали в юбочном лабиринте, пытаясь добраться до голого тела. Цыганка не помогала и не мешала, молча одобряя происходящее и хрипло, возбужденно дыша. В конце концов, старания увенчались успехом, и под оглушительный треск очередного защитного слоя Алферов добрался до чего-то теплого и чуть влажного, как в левый бок, со стороны тихого двора, ему ударил ослепительный световой молот, который почти физически откинул Алферова в сторону. Глаза его тут же заслезились, но даже несмотря на это он сумел разглядеть машину со включенными фарами и работающими мигалками, красной и синей, и пару людских силуэтов. Цыганка страшно, по-звериному, завизжала, а Алферов от неожиданности и страха кончил себе на брюки.

Он вскочил, пытаясь одновременно натянуть одежду и что-то сказать, но его немедленно сшиб точнейшим ударом резиновой дубинки в нос пролетавший милиционер, и Алферов снова отбил себе многострадальный копчик, а затем над ним, будто гигантские серые кондоры, промелькнули четыре тени в фуражках, промелькнули и моментально растворились в арбатских огнях. Там закричали.

Цыганка, до этого лежавшая кучей тряпья на грязном, заплыванном асфальте, внезапно замолчала, вскочила на ноги и, пригибаясь, побежала во двор, навстречу милицейской машине. Оттуда выскочил человек и пнул ее ногой, а затем схватил за волосы и поволок на улицу, мимо Алферова. Глаза у цыганки были совершенно бешеные, даже красноватые в отблеске фар, лицо все перекошилось, а золоченый зуб поблескивал, когда та выворачивала голову, пытаясь укусить милиционера за руку. Из разбитого носа у Алферова ручейком текла кровь, и он смотрел на это как-то отвлечено, со стороны, словно зритель, пока ему в открытый живот не врезался грубый кожаный башмак, и Алферова скрутило от боли. А потом и его потащили к яркому мерцанию арбатских фонарей. Наверное, я сейчас умру, спокойно подумал Алферов и вспомнил, что перед смертью перед глазами должна пронестись вся жизнь, от самого рождения, но так ничего и не увидел, кроме проезжающей под ним арбатской мостовой. А когда его закинули в

уазик на чьи-то другие тела, он посмотрел на залитую красноватым светом улицу и заметил, как сбоку, у самого фонаря, два милиционера дубинками и ногами избивают медведя. Теряя сознание, Алферов улыбнулся и подумал, что дома его наверняка накажут за изодранные штаны.

В камере несло мочой, рвотой и сокамерниками. Сокамерников было много, и вид у них был свирепый.

— О, свеженький, — ласково сказал один из них, как только Алферова втокнули в тесное, пахучее помещение, и дверь, щелкнув, закрылась. — Пропишем его по-быстрому?

В ответ раздалось несколько одобрительных возгласов, и Алферова бросили на пол к дальней стенке, запачканной чем-то темным. Он не знал, что означало "пропишем", но приготовился к худшему, свернувшись в комок и закрыв руками лицо и живот. Его прицельно саданули по коленке, просто чтобы понаблюдать за реакцией, и он тихонько взвыл от резкой, острой боли. Дальше Алферова начали бить три или четыре человека, но как-то вяло, без особого интереса и даже, если можно так выразиться, аккуратно. Например, по ребрам, которые ломаются легче всего, не попали ни разу. Удары приходились в основном по ногам и рукам, только чей-то шальной башмак угодил ему в нос, и оттуда снова брызнула кровь. Алферов лежал смиренно, на время перестав чувствовать что-либо, включая боль. Он просто смотрел сквозь щелку между руками на заплеванный пол под ногами его сокамерников и ни о чем не думал. Наконец, видимо пресытившись, его брезгливо оставили в покое и больше не трогали, как стая волков не трогает падаль. Только карманы обшарили, но оттуда уже все выгребли милиционеры, в том числе кошелек и паспорт. Поэтому Алферов сконцентрировал все усилия, чтобы спокойно, молча и недвижимо лежать, прижимаясь щекой к холодному вонючему полу, и надеяться на чудо. С первым получалось хорошо, со вторым похуже. Алферов даже думал помолиться, но помнил только "Отче наш, иже еси на небеси", да и то потому, что в рифму, а что там дальше про небеси — не помнил или вообще никогда не знал. Право было Начальство, размышлял он, я клуша, был клушей, и клушей останусь навсегда, а ведь другие сейчас на моем месте думали бы о жене и о дочке, о том, как те волнуются, что я не пришел, в больницы, наверное, звонят, а я вот лежу на животе в камере предварительного заключения и ни о ком не думаю, даже о себе не думаю, даже о смерти не думаю, а просто вот лежу бессмысленным куском человечины и боюсь соседей, а если мне приспичит в туалет, то я прямо под себя и наделаю, потому что все лучше, чем вот так вот встать посреди камеры предварительного заключения, на глазах у всех, и летать я никогда не буду уже, и машину, наверное, придется покупать, и обувь новую, и брюки теперь вот, а денег тоже взять неоткуда, разве что жена работать устроится, а ей нельзя, у нее спина, боже, ну о чем я думаю, я даже о смерти не думаю, какая же я клуша, а еще говорят, почему люди не летают как птицы, вот потому и не летают, суки...

Дверь в камеру скрипнула, стукнула, и заспанный мужской голос сказал:

— Алферов. На выход.

Алферова вели по бесконечному зеленому коридору мимо очереди одинаковых белых дверей и, наконец, толкнули в одну из них. Там сидел благожелательный капитан.

— Садитесь, Алферов, — сказал капитан, улыбаясь. — Ну и ночка, а?

— Темная, — пробормотал Алферов, не зная, что нужно отвечать в таких случаях.

— Да уж это точно, — капитан хохотнул. — Юшку-то вытри, Алферов, вон как с носа каплет. Сидоренко, дай платок.

Сонный высокий сержант с бородавкой на правой щеке протянул Алферову кусок белой тряпки, а потом вдруг сам заботливо вытер ему нос. На тряпке осталась красная полоса.

— Ну вот что, Алферов, — сказал капитан. — Ты на ребят зла не держи, не знали они, что ты прописанный. И где работаешь, сам понимаешь, не знали. Приказали сверху разогнать дебош, ну они, сам понимаешь, как умели... Ну и мы тогда дело твое замнем. А то несолидно выходит, видный человек, чиновник, женатый, сам понимаешь, а подцепил какую-то блядь в подворотне. Получше не мог найти, Алферов?

— Нет.

— Ну ладно, дело твое, по мне — хоть козу еби. Но! Сам понимаешь, не на моем участке. В общем, мы про это помолчим, а ты зато напишешь заявление, что, мол, такого-то такого-то, трое неизвестных напали в воздухе, избили и отобрали все наличные деньги. Сам понимаешь. Если хочешь, вот там доска с фотороботами есть, можешь изучить и приметы в заявлении указать. Для достоверности. А потом — лети на все четыре стороны, голубь мой Алферов. Зла не держи, сам понимаешь.

— А с пропиской у меня все в порядке?

— Ну да, а что? Беспокоит? Чешется? — прыснул капитан. Молчаливый Сидоренко неожиданно заулыбался.

— Да так. Давайте свои бумажки. Я подпишу.

— Вот и ладненько, — еще шире улыбнулся капитан. — Понимаешь, значит.

Алферов забрал у сержанта платок и вытер нос. Потом спросил:

— А с цыганкой что?

— С какой цыганкой? А, с девкой твоей? А что с ней делается, вон, в камере сидит. Ну, ребята ее помяли, конечно, сам понимаешь. Кстати, почему цыганкой, никакая она не цыганка, русская она, из Пскова. Туда ее и отправим.

— Посмотреть можно?

— Ну, бля, Алферов, музей нашел! Ладно, Сидоренко, будешь выводить товарища, покажи ему его цыганку, раз уж, сам понимаешь, человек просит.

Когда Алферов расписался на последнем бланке, и капитан пожелал ему, сам понимаешь, доброго пути и скорейшего, хи-хи, возвращения, сержант чуть ли не за ручку помог ему выбраться в зеленый коридор и спокойно проводил до какого-то окошечка. Там Алферову выдали отобранные вещи, включая кошелек, в котором не доставало почти тысячи рублей, для правдоподобности, наверное, и почему-то фотографии дочери. Алферов хотел повозмущаться, но не стал. Потом Сидоренко показал ему его цыганку. Она сидела на полу очередной грязной камеры, расставив тощие ноги в рваных юбках широко в стороны, и непрерывно выла. Во рту у нее вместо золоченого зуба виднелся кровавый сгусток.

— Пошли отсюда, — попросил Алферов.

Наконец, сержант, не Сидоренко, а уже другой, лысый, вывел его к диспетчеру и лениво махнул рукой в сторону выхода.

— Спасибо, — сказал Алферов, но ответа не получил.

На улице дул холодный, почти зимний ветер, и Алферов по привычке вытер уже не кровоточащий, но все еще опухший нос подаренным в милиции некогда белым платком. Отбитые почки и копчик зловеще ныли, синяки на руках и ногах чесались, в животе урчало, но настроение было отчего-то хорошее. Интересно, подумал Алферов, зачем им дочкина фотография? А потом он еще немного подумал и полетел домой.